

Л. С. Шейнбаум приходит к заключению, что нуклеарная семья в Аргентине, адаптируясь к местным условиям, еще не имеет устойчивых форм, необходимых для ее стабильности.

Оригинальные материалы приводятся и анализируются в разделе книги «Семья у русских старообрядцев на Аляске» (С. Г. Федорова). В нем рассказывается о сложной истории переселения отдельных групп старообрядцев в Америку в разное время и разными путями, об их адаптации к местным условиям, климату, физико-географической среде, к направлению хозяйства и др., о стойкой их приверженности к своей вере, русским обычаям, бытовому обиходу и не в последнюю очередь к семейным устоям. В семье старообрядцев сохраняются русский язык, черты русского быта и особенности тех мест России, откуда были родом их предки. В настоящее время у старообрядцев есть еще сложные (расширенные) семьи, но наряду с простыми — нуклеарными. Эти два типа семьи были и в родных местах переселенцев. Для современной семьи старообрядцев продолжают оставаться характерными многодетность, раннее заключение брака, причем между единоверцами, национально и конфессионально смешанные браки и сейчас встречаются у них редко. Такого рода эндогамия у старообрядцев является главным фактором их сохранения как особой этноконфессиональной группы в составе местного населения. В то же время в сфере хозяйственной деятельности, материальной культуры старообрядческой семьи проявили незаурядные способности не только к выживанию в непривычных условиях, но и к занятиям, им ранее не свойственным, приносящим немалые доходы (например, рыболовство, судостроение). Положительную роль в этом сыграла взаимопомощь родственников и членов общины — «собора».

В кратком, но содержательном заключении ко всем разделам книги в соответствии с поставленными задачами сделаны выводы о чертах, общих для американской семьи, позволяющих говорить о ней как об институционализированной социальной целостности с едиными тенденциями развития, о сочетании синтеза общих черт и многообразия этнорегиональных особенностей, о разных факторах возникновения одних и тех же форм семьи в прошлом и в настоящее время, об изменении внутрисемейных отношений и особенно положения женщины, в связи с общими экономическими, социальными и культурными преобразованиями, о роли межэтнических и межрасовых браков в процессе этнокультурной интеграции американской нации и т. п. Пожалуй, можно сказать, что из итогов ценного коллективного труда хотелось бы больше узнать о том, как интерпретируется факт сохранения ряда стадийальных явлений в семье. Впрочем, это скорее пожелание на будущее, так как проблема стадийности в каждом случае требует специального исследования. Оценивая же книгу в целом необходимо еще раз подчеркнуть ее широкое познавательное и специальное научное значение как для первого в отечественной этнологии обобщающего труда о семье народов Американского континента.

О. А. Ганцкая

Примечание

¹ Этносоциальные аспекты изучения семьи у народов Зарубежной Европы. М., 1987; Семейный быт народов СССР. М., 1990; Семья. Традиции и современность. М., 1990; Современная семья у народов Зарубежной Европы. М., 1993 и др.

© 1994 г., ЭО, № 4

Н. Н. Крадин. Кочевые общества. Владивосток. 1992. 240 с.

Исследованием кочевых обществ — номадов — уже давно занимаются многие отечественные и зарубежные ученые. Вместе с тем нельзя не отметить, что в исторической науке значительно больше внимания всегда уделялось оседлому населению, нежели кочевникам. Правда, в последние десятилетия интерес к номадизму, особенно среди зарубежных ученых, значительно возрос, в частности, в связи с острой практической проблемой оседания кочевников. Впрочем, за эти же годы появилось немало исследований и отечественных специалистов¹.

Рецензируемая книга Н. Н. Крадина дополняет этот ряд публикаций, она научно актуальна и содержит наиболее полный в литературе, хотя и не первый, критический обзор историографии отечественного изучения номадов².

Одна из особенностей рецензируемого труда заключается в том, что выводы автора основываются главным образом не на изучении фактического материала, и тем более не на вовлечении в научный оборот новых данных, а на сопоставлении точек зрения разных авторов. Это придает рассуждениям и выводам Н. Н. Крадина подчас «кабинетный» и несколько умозрительный характер.

Нельзя не обратить внимание на то, что, озаглавив книгу «Кочевые общества» и поставив в первую очередь задачу «сформулировать особенности формационной природы номадизма» (с. 11), на деле Н. Н. Крадин ограничивается главным образом рассмотрением кочевых политических образований, именуемых в литературе «кочевыми империями» («степными империями»). Между тем общеизвестно, что эти «империи» составляют лишь отдельные и относительно кратковременные эпизоды в почти трехтысяче-

летней истории кочевничества. Вольно или невольно автор оставляет за пределами книги рассмотрение жизни кочевых обществ, кроме их временных эфемерных империй, что существенно ограничивает доказательность рассуждений автора относительно «формационной» принадлежности номадов. Подробнее об этом ниже, но это следует иметь в виду, начиная читать книгу Н. Н. Крадина.

Остановимся на освещении в рецензируемой книге проблем историографии номадизма. При общем положительном отношении к тому, что сделано в этой области Н. Н. Крадиным, нельзя не высказать и некоторых замечаний.

Первое. Н. Н. Крадину следовало бы более четко определить научные приоритеты: кто из отечественных ученых первым сделал основные выводы по наиболее кардинальным проблемам социально-экономической истории номадизма, а также яснее определить характер проходивших по этим проблемам научных дискуссий.

Необходимо обратить внимание и на то, что автору не всегда удается верно оценить научный вклад разных исследователей, на которых он ссылается. Иногда он в один ряд ставит вряд ли соизмеримых по авторитету ученых, например А. Тойнби и И. Златкина (с. 26). Думается, что для серьезной историографии, дабы она не искажала исторической реальности в ходе развития науки, крайне важно соблюдать иерархию ученых не только по вертикали (по хронологии исследований), но также и по горизонтали, т. е. в соответствии со степенью значимости научных достижений и авторитета авторов.

Н. Н. Крадин отмечает, что в 1950-е — начале 1960-х годов речь шла о внеформационной принадлежности кочевничества, причем данный способ производства подразумевался как само собой разумеющееся (с. 34). Однако следовало бы указать, что в работах 60-х годов историка и этнолога Г. Е. Маркова концепция бытования феодальных отношений у номадов уже была подвергнута обоснованной критике, и в противовес распространенным рассуждениям о феодальном способе производства у кочевников ученый дал развернутый, основанный на фактическом материале анализ экономики и социальных отношений номадов и уже в те, нелегкие для кочевниковедения годы, он утвердил понятие об особом способе производства у номадов³.

Отдавая дань С. Е. Тольбекову, нанесшему первый серьезный удар по гипотезе «кочевого феодализма»⁴, Н. Н. Крадин, к сожалению, не избежал повторения ставших весьма тривиальными моментов в оценке этого отважного ученого. Это не вина С. Е. Тольбекова, а его и наша беда, что в его фундаментальном труде о кочевом обществе казахов «формационный характер кочевничества трактуется им противоречиво» (с. 34). Время тогда работало против научной истины. Однако кочевниковедение навсегда останется благодарным С. Е. Тольбекову, тем более, что его «фактология оказалась сильнее теории» (с. 34). В труде этого исследователя сама по себе объективная подборка и подача материала разрушала построения «феодалистов», и это не укрылось ни от сторонников феодального строя номадов, ни от противников этой концепции. И его удар по «кочевому феодализму» не «пришелся в пустоту», а его труд не был «бегом на месте», как это с излишним задором представителя нового поколения, не знавшего тяжести прошлого, заявляет Н. Н. Крадин.

Конечно, невозможно в одной работе учесть все предшествующие публикации, невозможно и равно осветить все проблемы. Однако с сожалением отмечу, что многочисленные ссылки на отдельных зарубежных авторов заслонили некоторые приоритеты в истории отечественного кочевниковедения. К примеру, перечисляя имена ученых, отрицавших наличие у номадов рабовладельческих отношений, он даже не назвал фамилии Г. Е. Маркова, практически первого пришедшего к этому выводу. Попутно отмечу, что Г. Е. Марков никогда не писал о «номадной формации», как это ему приписывал Л. П. Лашук, и что прямо, без каких-либо комментариев повторил Н. Н. Крадин: В теории кочевничества Г. Е. Маркова речь всегда идет только о способе производства номадов. Из этого и других примеров видно, что Н. Н. Крадин или был недостаточно внимателен при чтении оригинальных трудов ученых, или излишне передоверился их изложению у других авторов. Для работы историографического характера это досадный промах.

Вызывает возражение характеристика, данная Н. Н. Крадиным этапам дискуссии о социально-экономическом строе кочевников. Так, верно определяя первую фазу этой дискуссии как время утверждения в науке концепции господства у кочевников «феодальных» или «патриархально-феодальных» отношений, автор умалчивает, что эта концепция была выработана в связи с борьбой против взглядов на общество кочевников как на первобытное, а также в виде выполнения социального заказа тоталитарного государства по уничтожению кулаков, баев, части середняков, составлявших наиболее работоспособную часть крестьянства.

Нельзя согласиться и с определением характера второго этапа дискуссии, к которому Н. Н. Крадин относит работы исследователей, мало чем отличающихся по теоретическим установкам от взглядов исследователей, отнесенных им к первому этапу (с. 81). Как бы мимоходом он замечает о начавшейся в нашей науке критике концепции «кочевого феодализма». Если выделять второй этап, то следовало бы сказать, что это было время, когда в трудных политических условиях уже развертывалась критика не только «кочевого феодализма», но и в целом возможности существования у номадов феодальных, в том числе «патриархально-феодальных» и тому подобных отношений.

Не убедителен выделенный Н. Н. Крадиным третий этап дискуссии (с. 82, 83). Перечисленные в нем ученые едва ли внесли что-либо новое и положительное в понимание обсуждавшихся тогда проблем номадизма и практически повторяли выводы Б. Я. Владимирцова о «кочевом феодализме». Если опять-таки и выделять третий этап дискуссии, то следовало бы сказать, что это было время развертывания еще более широкой критики построений «феодалистов» и начало утверждения взглядов, высказанных на прошлом этапе дискуссии.

Глава об экономическом базисе кочевничества. Не могу согласиться с Н. Н. Крадиным, который вслед за А. М. Хазановым заявляет об «ошибочности выделения двух этапов в развитии материальной культуры номадизма» и соответственно «раннего» и «позднего» кочевничества (с. 45). Известно, что

Выделение двух этапов кочевничества обосновывалось рядом авторов (М. П. Грязнов, А. П. Смирнов, Г. Е. Марков и др.) на двух типах материальной культуры, а на том, что эпоха «ранних» кочевников относится ко времени (и определяется этим) соседства номадов с античными рабовладельческими обществами, тогда как эпоха «поздних» кочевников — ко времени их соседства с феодальными государствами, что оказывало соответствующее воздействие на форму некоторых общественных институтов кочевников. И совсем уже неправомерно утверждение Н. Н. Крадина о том, что «деление на „ранних“ и „поздних“ кочевников... совпадает... с выделяемыми „феодалистами“ (кавычки мои. — К. К.) первобытной и феодальной формациями...» (с. 65).

Вторая глава, посвященная социально-экономическим отношениям, начинается с изложения уже известной критики концепции «кочевого феодализма» у номадов Б. Я. Владимирова. Здесь было бы уместно, на мой взгляд, упомянуть ученых, критиковавших этого автора, тем более, что сам Н. Н. Крадин ничего нового о этой критике не прибавил.

Представляется далеко не точной оценка Н. Н. Крадиным дискуссии о номадизме 70-х годов. Как и предыдущие дискуссии, она выявила разные методологические позиции по считавшемуся тогда основным вопросу о собственности на средства производства у номадов. Однако не только этот вопрос был предметом споров. В научный актив тогда были введены такие проблемы, как социальная структура номадов, системы социальных связей, определявших социальный строй обществ кочевников, отсутствие классовости в номадном обществе, социально-имущественная дифференциация и др. По сравнению с 1950-ми годами работы 1970-х показали, что в кочевниковедении окрегли новые теоретические на иной методологической основе позиции, круг их авторов и сторонников значительно расширился. Так что вряд ли в общей оценке дискуссии корректны эпитеты «тупиковая, циклическая» (с. 83).

Оставляя в стороне в целом рассуждения автора о государственности, ибо это потребует большего объема, чем позволяет рецензия, замечу лишь, что Н. Н. Крадин недостаточно корректно обосновал идею выделения двух типов государственности, ссылаясь при этом на самого себя (с. 93), хотя известно, что оба эти типа государственности были выделены еще Марксом («минимальное» и «тотальное» государство), что в конечном счете отмечает и сам автор (там же).

Здесь же Н. Н. Крадин высказывает и мысль о том, что «сегодняшний марксизм должен быть более гибким, чтобы отражать реальность и соответствовать времени» (с. 93). Вряд ли приверженцы марксизма будут признавать автору за столь щедрый бескорыстный совет, а у иных это «напутствие» скорее вызовет улыбку, нежели серьезное отношение.

Не новостью является использованный Н. Н. Крадиным как бы впервые применительно к стадам домашних животных кочевников термин «капитал» (с. 99). Об этом капитале-скоте в свое время писал еще Маркс, кроме того, во многих работах по номадизму уже давно используется этот термин как у нас, так и за рубежом (в частности, см. работы Г. Е. Маркова, М. Годелье, У. Голдшмидта и др.).

В разделе о способах эксплуатации у номадов при описании организации скотоводческого хозяйства (с. 101—102) Н. Н. Крадин почему-то опирается на работы чисто кабинетных исследователей (например, А. М. Хазанова, Г. И. Семенюка), хотя было бы основательней взять этот материал из работ кочевниковедов, знающих кочевой образ жизни не только в теории или с чужих слов, но и по номадной практике (например, из публикаций С. Е. Тольбекова, Г. Е. Маркова, К. Нурмухамедова, А. Оразова, Н. Э. Масанова и др.).

В разделе о внешнеэксплуататорской деятельности номадов едва ли удачно Н. Н. Крадин использует термин «надстройка» для определения обществ кочевников по отношению к «базису» — оседлому миру (с. 129). Это модное для западных антропологов сопоставление (например, И. Козн, П. Гулливер и др.), на мой взгляд, совершенно неосновательно.

Автор книги определяет номадов одновременно как «этническую общность» и как «государство» и даже как «эксплуататорский класс» (с. 129). Конечно, его право использовать свою систему терминов. Однако представляется излишним подобное нагромождение социально значимых, иерархических соподчиненных категорий. Здесь опять приходится обратить внимание на то, что речь идет не о кочевом обществе вообще, а лишь о явлениях из истории «кочевых империй» (с. 107, 129, 143 и др.).

Неточно использован Н. Н. Крадиным пример из «империй» Междоузья в Африке (с. 131). Дело представляется таким образом, что при организации общественного разделения труда между господствующими кочевыми скотоводами и оседлыми подчиненными земледельцами как в данном случае, так и в случае с северными сомами (номадами) и южными саб (земледельцами), кочевники не разрушали социальной структуры подчиненных им обществ земледельцев, которых им было выгодно сохранить как производителей необходимой для кочевников земледельческой продукции. Кочевники просто изымали, причем весьма нерегулярно, часть произведенного земледельцами продукта, объем же производства последних оставался прежним. В этой связи вряд ли можно кочевников отнести к «организаторам» экономической деятельности подчиненных ими оседлых обществ.

Трудно согласиться с Н. Н. Крадиным, разделяющим позицию И. Л. Андреева в том, что грабеж и дань предполагали свергывание собственно кочевого скотоводческого хозяйства и специализацию в области военно-грабительской деятельности, что и затормаживало якобы внутреннее саморазвитие номадных обществ, обусловило их застойный «экзоплуататорский» характер (с. 133). Исторические факты показывают, что военно-грабительская деятельность была лишь одной, причем непостоянной, стороной деятельности кочевников и только в отдельные, более или менее краткие исторические периоды в жизни номадов. Попытки же изображать кочевников агрессивной частью человечества свойственны западной антропологии, и с максимализмом подобного подхода вряд ли следует соглашаться без серьезных оговорок⁵. Если вспомнить крупные общества кочевников в Азии, начиная с монголов, в Африке — галла (оромо), то даже в периоды их «военно-кочевого» состояния, относительно долгих войн и крупных политических объединений основная часть их обществ, о чем свидетельствуют многочисленные этнографические данные, медленно двигалась по своей кочевой территории или по основ-

ному направлению миграции всего народа. На этом пути номады никогда не прерывали традиционного образа жизнедеятельности — пастбищного скотоводства.

Глава книги о социально-политической организации кочевых обществ начинается с тезиса о том, что социальная организация номадов — это сложная иерархическая система (с. 134). Это бесспорно. Но вместе с тем мне представляется несколько нечетким положение Н. Н. Крадина о том, что «нижние ее звенья покоились на реальных кровнородственных и экономических связях» (с. 134). Видимо, автор под «низшими» имеет в виду малую семью, ядро кочевой общины. Однако известно, что именно кочевая община — это и есть социально-экономический союз низшего социального уровня в номадном обществе. Но образующие его связи — не только и не столько кровнородственные, сколько социальные, социально-родственные, охватывающие круг лиц, связанных узами кровного родства и свойства. Сеть их многоуровневая. Муж и жена и их дети находятся в круге пересечения этих двух систем отношений, на этой базе и оформляется экономическая и социальная ячейка общества — кочевая община, состав которой подвижен. Она может распадаться, переформировываться в соответствии с хозяйственными нуждами, природной и политической обстановкой, согласно принципу организации общественного разделения труда, изменению состава семьи и пр. К сожалению, и в этом разделе книги Н. Н. Крадин не ссылается на работы Г. Е. Маркова, первым поставившего и в принципе раскрывшего проблему формирования племенной структуры номадов, тех систем связей, которые согласно социальной иерархии и создавали их общественную структуру⁶.

Представляется, что применительно к номадизму использование термина «вождество» (с. 147) со ссылками на Н. Н. Крадина, В. М. Викторина, В. Ю. Мурзина весьма спорно ввиду того, что факты свидетельствуют зачастую о незначительной роли лидеров-вождей у номадов, их эфемерных социальных и территориальных прерогатив и прочих отличительных черт в условиях общинно-кочевом состоянии кочевников. Приводимая в книге таблица универсальности вождества не убеждает, поскольку уязвима почти по всем пунктам применительно к номадам в их обычном «общинно-кочевом» состоянии от Азии до Африки. Уместно здесь напомнить, что одним из первых интерпретаторов понятия «вождество» в отечественной науке является не упомянутый автором известный ученый Ю. И. Семенов (с. 147).

Вскользь автор упоминает такие признаки «цивилизации» и «государства», как наличие городов, развитых ремесел, монументального строительства, коррелируя эти признаки с «кочевыми обществами», которые имели в своем подчинении крупные оседло-земледельческие общества (с. 161). Такая корреляция едва ли верна, так как эти признаки присущи оседлым земледельческим обществам и их государственности и отнюдь не свойственны номадным обществам, если не иметь в виду осевшую часть этноса номадов, как, например, земледельцы курды. Даже подчинив земледельческие общества, сами по себе номады не включались в экономическую и социальную системы этих государств и сохраняли свой хозяйственно-культурный тип. Можно назвать в качестве примера номадов галла на завоеванных ими территориях земледельческих народов Эфиопии, у них стали возникать государственные образования лишь после окончательного оседания на этих землях.

Что касается позиции автора книги о «специфической государственности» номадов, которую он усматривает во временном подчинении номадами земледельцев, и предположенного для ее обозначения термина-понятия «экзополитарность», то в действительности в такого рода случаях существовали вовсе не формы государственности, а давно науке известные даннические отношения. Поэтому совершенно излишне, на мой взгляд, введен термин «экзополитарность», как впрочем и понятия «класс-этнос» и «этнос-государство», предложенные Н. Н. Крадиным (с. 165).

В целом раздел о «кочевых империях» представляется весьма схоластическим и характер изложения декларативным в значительной мере из-за отсутствия в нем, как впрочем и в других разделах книги, конкретного материала.

Думается, что выделенные Н. Н. Крадиным, помимо «варварских», еще три типа кочевых империй слабо аргументированы, нуждаются в дальнейшей разработке и все в разной степени спорны (с. 172—175). Африканские примеры в этом разделе ничего не дают ни автору, ни читателю. Номадизм в Африке — особое явление, и параллели с азиатским номадизмом здесь не всегда корректны⁷. Здесь мы не найдем аналогов евразийским степным империям, даже несмотря на существование в истории Африки фактов эфемерных племенных конфедераций в зонах подвижного скотоводства. Это связано с характером традиционного местного скотоводства, сложившегося в виде двух форм номадизма: мало распространенного «азиатского» и широко представленного «африканского». Учитывая существенные особенности кочевого скотоводства в Африке, мы не можем даже у номадов галла, в течение многих веков мигрировавших по земледельческим территориям Восточной Африки, обнаружить ни одного из предложенных Н. Н. Крадиным типов кочевых империй, хотя галла неоднократно в своей истории создавали политические объединения разных уровней⁸.

Показывая в выводах методическую несостоятельность теории «кочевого феодализма», безусловно, справедливо, Н. Н. Крадин во многом повторяет то, что писали ранее другие авторы (см., например, с. 186, пункт 4, с. 187 и далее). Однако при этом его ссылочный аппарат весьма скуден. Следовало бы четче выделить этапы разработки узловых проблем в кочевниковедении и расставить приоритеты. Без этого немало уже давно известных и добытых учеными в суровой научной борьбе выводов предстают для несведущего читателя как бы заново «открытыми» Н. Н. Крадиным. Хотя на деле это не так. Из истории науки известно, что на основе обширного фактического материала, начиная с 1960-х годов, прежде всего вел борьбу с гипотезами «кочевого феодализма» и «патриархально-феодалных» отношений у кочевников известный у нас и за рубежом историк и этнолог Г. Е. Марков. Именно ему принадлежит приоритет в аргументированном развенчании этой теории, в доказательстве отсутствия у кочевников этапа господства рабовладельческих отношений, в открытии двух исторически обусловленных и закономерных социально-экономических состояний номадных обществ — военно-кочевого и общинно-кочевого, в утверждении положения о том, что в кочевых империях номадная подсистема

оставалась всегда неизменной, это позволяло при неизбежном распаде империй продолжать обычный пастбищно-кочевой nomадный образ жизнедеятельности, в разработке принципов и систем связей племенной иерархической структуры nomадного общества, и, наконец, в открытии и введении в науку такого фундаментального понятия, как «nomадный способ производства»⁹.

На последней странице своей книги (с. 191) Н. Н. Крадин пишет, что «с середины I тыс. до н. э. по середину II тыс. н. э. в аридных экологических зонах возникли уникальные по своей структуре образования — „кочевые империи“, которые типологически должны быть поставлены на одну линию с восточными деспотиями, античными рабовладельческими государствами, феодальными королевствами». Практически автор повторяет здесь то, что писал задолго до него Б. Я. Владимирцов. Кроме того, он опять забывает, что за свою многотысячелетнюю историю nomады только эпизодически образовывали «кочевые империи», и позволяет себе сделать следующий генерализующий вывод: «Таким образом, я выступаю за существование у кочевых народов особой (разрядка моя — К. К.), отличной от ранее выделенных, общественно-экономических формаций, основанной на внешнеэксплуататорской деятельности. Эта формация относится к традиционной мегаформационной стадии и в силу своих системообразующих свойств являлась тупиковой в общественной эволюции» (с. 191). Помилуйте, а как же быть с кочевыми народами, у которых никогда не было «кочевых империй», или они распались?! К какой же общественно-экономической формации их-то, несчастных, отнести? Может, для них не осталось типологического места на карте истории человеческих обществ?! Более чем странно с точки зрения известных закономерностей исторического развития звучит как бы открытие, что после распада кочевых империй их «составляющие звенья возвращались к исходному состоянию — на предклассовую стадию первичной мегаформации..., которая была... предельной... для самостоятельного развития nomадов» (там же). Из сказанного Н. Н. Крадиным с очевидностью вытекает, что возникновение «кочевых империй» было связано вовсе не с появлением нового «формационного» состояния, новой формацией, а лишь с временной военно-политической организацией.

Многие замечания, высказанные в настоящей рецензии, являются следствием того, что и название книги Н. Н. Крадина, и поставленные им цели исследования охватывают не вообще все кочевые общества, а лишь евразийские кочевые (степные) империи. С сожалением приходится также отметить, что большая часть выводов, предлагаемых Н. Н. Крадиным в качестве нового в науке, в действительности уже предлагалась его предшественниками. В лучшем случае автору рецензируемой книги принадлежат предложенные им новые термины — «болезнь», довольно распространенная среди молодых исследователей. Прежде всего это касается не особенно, на мой взгляд, удачного нововведения «экзополитарность», которое в этом случае неправомерно распространяется на «формационную» принадлежность nomадов, тогда как на деле это касается лишь «военно-кочевое» состояние кочевников. И едва ли можно согласиться с предложением Н. Н. Крадина рассматривать социальный строй nomадов с точки зрения их «формационной» принадлежности. Думается, что правильной вести речь только об особом способе производства, сочетающемся в разные исторические периоды с различными социально-экономическими укладами, а не о такой слишком широкой и в целом недостаточно ясной категории, как «общественно-экономическая формация».

Было бы несправедливым не сказать, что книга Н. Н. Крадина все же интересна, содержит немало ценных историографических данных, а также теоретических авторских осмыслений в связи с критикой оценки общественного строя nomадов как «феодального (патриархально-феодального)». Хотелось бы посоветовать автору книги в дальнейшем более внимательно и уважительно относиться к своим предшественникам, особенно в определении научных приоритетов, а также решаясь на широкие обобщения не ограничиваться сопоставлением точек зрения различных авторов, а опираться на достаточно представительный фактический материал.

К. П. Калиновская

Примечания

¹ См. библиографию в рецензируемой книге, а также в книге К. П. Калиновской «Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв.», М., 1989.

² Марков Г. Е. Теоретические проблемы nomадизма в советской этнографической литературе // Историография этнографического изучения народов СССР и зарубежных стран. М., 1989.

³ Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. М., 1961; *его же*. Из истории земледелия у северных туркмен в начале XX в. // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР. Т. VI. Ашхабад, 1962; *его же*. Кочевники Азии (хозяйственная и общественная структура скотоводческих народов Азии в эпохи возникновения, расцвета и заката кочевничества. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. См. ред. Семенов Ю. И. // Восток. 1993. № 5.

⁴ Толыбеков С. Е. Кочевое общество казахов в XVII — начале XX в. Алма-Ата, 1959 (2-е изд. 1971).

⁵ См. работы: Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки...; Cohen Y. Culture as Adaptation // Man in Adaptation. Chicago, 1968; Monod N. Introduction // Pastoralism in Tropical Africa. L., 1975.

⁶ См. работы Маркова Г. Е. 1961, 1967, 1970, 1973 и последующих годов: Этнографическое обозрение. 1993. № 3.

⁷ Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки...

⁸ Бартицкий А., Мантель-Нечко И. История Эфиопии. М., 1976; Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки...

⁹ См. Список работ Маркова Г. Е. Этнографическое обозрение. 1993. № 3.